

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.57>

Олицкая Дарья Александровна, Черткова Виктория Викторовна

Ольфакторный код в оригинале и переводах рассказов А. П. Чехова на английский язык

В статье впервые рассматривается ольфакторий рассказов А. П. Чехова в аспекте переводимости. На материале корпуса текстов, состоящего из 65 рассказов и их множественных переводов на английский язык, методом сравнительного анализа выявляются трансформации чеховских ольфакторных образов, изучаются индивидуальные особенности интерпретации отдельными переводчиками семантики и смысловой нагрузки запахов в рассказах А. П. Чехова. Получены выводы о том, что в большинстве переводов имеет место изменение коннотативной окраски запахов оригинала и нейтрализация семантики "душных" запахов, отражающих специфику чеховского ольфактория.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 289-294. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

УДК 81'255.2

Дата поступления рукописи: 30.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.57>

В статье впервые рассматривается ольфакторий рассказов А. П. Чехова в аспекте переводимости. На материале корпуса текстов, состоящего из 65 рассказов и их множественных переводов на английский язык, методом сравнительного анализа выявляются трансформации чеховских ольфакторных образов, изучаются индивидуальные особенности интерпретации отдельными переводчиками семантики и смысловой нагрузки запахов в рассказах А. П. Чехова. Получены выводы о том, что в большинстве переводов имеет место изменение коннотативной окраски запахов оригинала и нейтрализация семантики «душных» запахов, отражающих специфику чеховского ольфактория.

Ключевые слова и фразы: Чехов; ольфакторный код; ольфакторий; художественный перевод; сравнительный анализ.

Олицкая Дарья Александровна, к. филол. н.

Черткова Виктория Викторовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет

d.olitskaya@mail.ru; vv.chertkova@mail.ru

Ольфакторный код в оригинале и переводах рассказов А. П. Чехова на английский язык

В настоящей статье изучаются особенности передачи мира запахов чеховской прозы в её англоязычных переводах. *Актуальность* исследования обусловлена, во-первых, возрастающим интересом современной гуманитарной науки к изучению ольфакторных кодов художественной литературы [1; 4; 9], которое требует обращения к ольфакторию художественных миров отдельных писателей. Во-вторых, актуальность работы связана с необходимостью изучения проблем перевода чеховской прозы на английский язык, обусловленных индивидуальными особенностями творчества писателя, и уточнения представлений о соотношении «варианта» и «инварианта» его произведений в контексте диалога культур. Ольфакторий рассматривается нами как важная часть художественного мира Чехова, в связи с чем возникает вопрос, насколько переводчикам его произведений на английский язык удастся сохранить ольфакторную картину, представленную в оригинале.

Научная новизна данного исследования заключается в попытке изучения ольфактория рассказов Чехова в аспекте переводимости на английский язык. *Цель* предпринятого исследования – изучение особенностей воссоздания ольфакторного кода в англоязычных переводах рассказов Чехова. В рамках данной цели были определены следующие *задачи*: выявление ольфакторно значимых фрагментов в рассказах Чехова, их сравнительный анализ в оригинале и переводах на английский язык; выявление переводческих трансформаций ольфакторных образов оригинала и индивидуальных особенностей их интерпретации отдельными переводчиками.

Материалом исследования послужили ольфакторно значимые фрагменты, отобранные из 65 рассказов А. П. Чехова, и их множественные переводы (2 и более для каждого рассказа), выполненные разными переводчиками (К. Гарнетт, С. Котелянским, А. Ярмолинским, А. Литвиновой, Р. Хингли, Р. Вилксом, Д. Магаршаком и др.) в период с 1915 по 2008 г. Всего в результате изучения корпуса текстов были обнаружены 211 описаний ароматов и запахов и 566 вариантов их перевода. Основным *методом исследования* стал сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода, направленный на выявление и интерпретацию тех изменений, которые претерпевают ольфакторные образы в процессе перевода на английский язык.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в курсах по истории, теории и практике художественного перевода; в обучении принципам переводоведческого анализа художественного текста. Результаты исследования также могут быть полезны при разработке спецкурсов, посвященных проблемам зарубежной рецепции творчества А. П. Чехова, в частности, переводческой.

Ольфакторная аура является одной из знаковых характеристик поэтики русской литературы, в прозе же Чехова, как отметил Л. В. Карасёв, «история упоминания запахов в русской литературе достигла своей вершины, если говорить о краткости и ёмкости описания» [5]. Несмотря на то, что изучению темы запахов в творчестве Чехова пока посвящено небольшое количество работ [2; 6] (более изученными остаются цветовая и звуковая картины мира писателя), значительная роль, которую играют запахи в произведениях писателя, не подлежит сомнению. В настоящее время уникальное значение ольфакторных знаков (запах денег, счастья, парфюмерные запахи) в художественном мире Чехова выявлено в работах А. Г. Головачевой, Т. Ю. Ильяхиной, Е. Е. Кошкиной, М. В. Теплинского. В исследовании И. А. Манкевич на материале эпистолярной и мемуарной чеховианы осмыслены место и значение запахов в повседневной жизни писателя. Так, ряд писем Чехова и воспоминаний о нем содержат уникальные «арома-метафоры», которые благодаря своему символическому потенциалу обретают статус биографических текстов «ольфакторного жанра» [7]. Л. Карасёв характеризует индивидуальную манеру упоминания запахов в произведениях Чехова (лаконичное двойное упоминание) как устойчивый художественный прием [5]. Исследователь также указывает на ряд запахов, определяющих индивидуальную специфику чеховского ольфактория, – это душистые и кислые запахи. В рамках лингвистического подхода основное внимание уделяется изучению способов вербализации обонятельных ощущений в произведениях Чехова [3].

Представленные в актуальных научных работах наблюдения и выводы исследователей подтверждают значимость ольфакторного кода для художественной картины мира Чехова, что позволяет поставить вопрос о его переводимости в процессе трансляции произведений русского классика в инокультурное пространство.

Проведенный нами на первом этапе исследования анализ обнаруженных ольфакторных включений в рассказах Чехова позволяет заключить, что в них представлен достаточно широкий спектр разнообразных по природе, окраске и интенсивности запахов, которые в сочетании со звуковыми, зрительными и тактильными образами создают сложный и многомерный художественный мир писателя. Опираясь на предложенную Х. Риндисбахером [8] классификацию запахов по способу их языковой кодировки, в качестве главных составляющих присутствующего в чеховских рассказах ольфакторного кода можно выделить запахи природы, включающие в себя запахи естественной среды, и запахи цивилизации, представленные, напротив, различными искусственными и создаваемыми человеком запахами. В общей сложности эти две группы запахов составляют примерно 80% из всех обнаруженных ольфакторных описаний. Природа в ольфакторном срезе (запахи времен года, трав, цветов, земли, осадков, сырости, влаги, духоты, свежести и др.) чаще характеризуется в рассматриваемых чеховских рассказах запахами, несущими нейтральные или положительные коннотации. Запахи цивилизации чаще, чем природные, тяготеют к отрицательному полюсу ольфакторной парадигмы (*вонь, воняет, до духоты, задохнуться* и др.). К ним, например, относятся запахи алкоголя и табака, духов, гари, благовоний, лекарств, другие запахи жилища и быта. Часто это смесь из неприятных запахов, ассоциирующихся с грязью, бедностью, неаккуратностью. Многие из таких запахов являются символами пошлости, провинции. В такой функции нередко выступают и запахи пищи, которые составляют третью группу в классификации. Однако говоря о биполярности структуры восприятия запахов («хороший/плохой», «приятный/неприятный» запах), отметим, что практически любой запах у Чехова – даже исходно приятный – может попасть в разряд неприятных, если он соединяется с духотой или жарой и приобретает избыточный, чрезмерный характер [5]. Таким образом, к однозначно неприятным запахам у Чехова относятся запахи душные, тяжелые и кислые, независимо от того, являются они природными или искусственными. Остальные запахи могут в разных ситуациях нести как нейтральные или положительные, так и отрицательные коннотации.

Сравнение проанализированных рассказов Чехова и их переводов на английский язык, проведенное на втором этапе исследования, показало, что в подавляющем большинстве случаев ольфакторные описания в переводах сохраняются, однако далеко не всегда это приводит к передаче смысловой нагрузки и семантики запахов в переведенном тексте. При этом фрагменты, в которых ольфакторный код полностью нейтрализуется переводчиками в результате использования лексической единицы, не несущей ольфакторной семантики, являются редкими исключениями. Например, в чеховском рассказе «Жена» при описании состояния обнищания и голода крестьян определяющей является ольфакторная составляющая «в избах смрад». Как известно, смрад – это отвратительный запах, вонь [10]. В переводе К. Гарнетт он передан эквивалентом “filthy” (*грязный, мерзкий, отвратительный*), который хоть и несет очевидную отрицательную коннотацию, но не подразумевает ситуацию обонятельного восприятия.

Оригинал: *Фельдшерница говорит: придешь в избу и что видишь? Все больны, все бредят, кто хохочет, кто на стену лезет; в избах смрад, ни воды подать, ни принести ее некому, а пищей служит один мёрзлый картофель* [11, т. 7, с. 456].

Перевод К. Гарнетт: *Everyone is sick, everyone delirious, some laughing, others frantic; the huts are filthy (избы грязные); there is no one to fetch them water, no one to give them a drink, and nothing to eat but frozen potatoes* [21, p. 3].

Также в ряде случаев частичная нейтрализация ольфакторного кода в переводах связана с использованием лексических единиц с более широкой семантикой, чем в оригинале, в том числе выходящей за пределы собственно восприятия запаха, таких, как, например, “atmosphere”, “aura” и “feeling”, “breath”. В рассказе «Дом с мезонином» важную роль в реализации темы несостоявшегося счастья, несбывшейся любви героя играет ольфакторно значимый фрагмент «уже пахло осенью», дополняющий описание зрительной картины (свет/тьма):

Оригинал: *Была грустная августовская ночь, – грустная, потому, что уже пахло осенью; покрытая багровым облаком, восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам её тёмные озимые поля* [11, т. 9, с. 188].

Перевод К. Гарнетт: *It was a melancholy August night-melancholy because there was already a feeling of autumn (уже было чувство осени); the moon was rising behind a purple cloud, and it shed a faint light upon the road and on the dark fields of winter corn by the sides* [14, p. 176].

Перевод Р. Вилкса: *It was a sad August night – sad because there was already a breath of autumn in the air (в воздухе уже было дыхание осени). The moon was rising, veiled by a crimson cloud and casting a dim light on the road and the dark fields of winter corn along its sides* [16, p. 17].

Среди рассмотренных нами переводов наиболее интересными представляются переводы К. Гарнетт и Р. Вилкса: в них глагол «пахло» заменяется глаголами с более широкой семантикой, подразумевающей общую ситуацию чувственного восприятия (feeling) или дыхания (breath). В результате без ольфакторной составляющей описание в переводе предстаёт менее объёмным и реальным.

В приведенном примере обращает на себя внимание вариативность перевода чеховского ольфакторного образа, для его передачи каждый из переводчиков выбрал свои лексические средства. Само слово «запах» в рассмотренных переводах чеховских рассказов имеет шесть соответствий: “smell” (запах), “scent” (аромат), “fragrance” (благоухание), “odor/odour” (запах (неприятный)), “aroma” (запах (приятный)), “perfume” (благоухание/

аромат). Несмотря на то, что лексемы “scent”, “fragrance”, “aroma”, “perfume” в английском языке имеют коннотацию приятного запаха, “odor/odour” – неприятного, а “smell” – нейтрального, английские переводчики используют их как для описания ольфакторного образа оригинала, соответствующего их коннотации, так и для совершенно противоположного характера запаха.

Вариативность в переводах ольфакторных описаний оригинала усиливается в случаях усложнения ольфакторного знака, т.е. когда он не может быть расшифрован однозначно. К таким знакам можно отнести душные запахи в чеховских рассказах. Духота у Чехова усиливает интенсивность запаха, в результате чего даже приятный запах становится слишком сильным, удушающим. Именно таким является, например, запах духов, служащий ольфакторным ключом-кодом к образу главной героини в рассказе «Ариадна».

Оригинал: *В ее номере был утренний беспорядок: на столе чайная посуда, недоеденная булка, яичная скорлупа; сильный, удушающий запах духов* [11, т. 9, с. 123].

Перевод Р. Хингли: *Her room was in a typical morning mess-tea things on the table, a half-eaten roll and eggshells. There was a strong, stifling reek of scent* (сильная, душная вонь духов) [18, p. 83].

Перевод Д. Магаршака: *Her room was in disorder, as it was still early in the morning: on the table were the tea things, an unfinished roll, an eggshell; there was a strong overpowering smell of scent* (сильный, подавляющий запах духов) [13, p. 203].

В переводе Р. Хингли эта характеристика запаха была точно передана как “stifling” (душный, удушающий), но при этом «запах» духов был заменен на «вонь» (reek of), что входит в конфликт с крайней притягательностью внешности чеховской героини, представляющей тип женщины-хищницы. В переводе Д. Магаршака, использовавшего прилагательное “overpowering” (подавляющий, избыточный) и более нейтральное существительное «запах», сохраняется высокая интенсивность запаха, но его удушливость как ключевая для прочтения образа героини индивидуально-авторская характеристика утеряна.

Ключевыми деталями душные, тяжелые запахи становятся в повести Чехова «Палата № 6». Они символизируют царящую в больнице атмосферу несвободы, насилия, несправедливости по отношению к заключенным в ней людям. Но духота, как следует из слов главного героя повести – Андрея Ефимыча, является и общим признаком жизни в городе, в нем «душно и скучно жить». В описаниях больницы ольфакторный компонент занимает сильную позицию. Являясь завершающим, удушливый запах суммирует и многократно усиливает общее впечатление нравственной и физической нечистоты, испорченности, несвободы и подавленности:

Оригинал: *Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи с синими полосками, никуда негодная, истасканная обувь, – вся эта рвань свалена в кучи, перемята, спуталась, гниет и издает удушливый запах* [11, т. 8, с. 72].

Перевод К. Гарнетт: *Mattresses, old tattered dressing-gowns, trousers, blue striped shirts, boots and shoes no good for anything – all these remnants (все эти остатки) are piled up in heaps, mixed up and crumpled, mouldering and giving out a sickly smell (разлагаясь и испуская тошнотворный запах)* [20, p. 31].

Перевод Д. Магаршака: *Here, against the walls and near the stove, mattresses are piled up, mountains of hospital odds and ends, old tattered dressing-gowns, drawers, striped blue shirts, useless, worn-out footwear – all this rubbish (весь этот мусор) lies in tangled and jumbled-up heaps, rotting and exhaling a suffocating smell (гниет и испускает удушливый запах)* [13, p. 131].

Перевод Р. Хингли: *Mattresses, tattered old smocks, trousers, blue-striped shirts and useless, dilapidated footwear... all this junk (весь этот хлам) is dumped around any old how, mouldering and giving off an acrid stench (разлагаясь и испуская едкую вонь)* [18, p. 23].

Перевод А. Литвиновой: *This ragged, useless trash (мусор) – mattresses, old dressing-gowns, under-drawers, striped blue shirts, worn-out boots – is jumbled together in a malodorous heap (зловонная куча)* [19, p. 152].

При передаче основной характеристики запаха – «удушливый» – все переводчики используют разные соответствия. Только в переводе Д. Магаршака предпринята попытка сохранить заложенную в оригинале семантику “suffocating smell” (suffocating – душный, удушливый), в трех других переводах значение удушливого запаха в разной степени трансформируется: “sickly smell” (тошнотворный запах) у К. Гарнетт, “acrid stench” (едкая вонь) у Р. Хингли и “malodorous heap” (зловонная куча) у А. Литвиновой.

Следующее ольфакторное описание в повести «Палата № 6» содержит в себе целый ряд неприятных запахов (гарь, аммиак, клопы), указывающих на нечеловеческие условия существования жителей палаты, скорее напоминающей помещение для содержания животных. При этом ольфакторная характеристика пространства вновь является завершающей, т.е. определяющей впечатление от общего образа:

Оригинал: *Воняет кислою капустой, фитильною гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец* [11, т. 8, с. 73].

Перевод К. Гарнетт: *There is a stench of sour cabbage, of smouldering wicks, of bugs, and of ammonia, and for the first minute this stench gives you the impression of having walked into a menagerie (Воняет кислой капустой, тлеющими фитилями, клопами и аммиаком, и в первую минуту этот смрад создает впечатление, будто вы вошли в зверинец)* [20, p. 32].

Перевод Д. Магаршака: *The place smells of sour cabbage, unsnuffed wicks, bed-bugs, and ammonia, and this mixture of smells at first gives you the impression of entering a menagerie (Это место пахнет кислой капустой, непотушенными фитилями, постельными клопами и аммиаком, и эта смесь запахов сначала создает впечатление входа в зверинец)* [13, p. 132].

Перевод А. Литвиновой: *The place smells of sour cabbage, smoking lamps, bugs, and ammonia, and when you first go in, this stench makes you think you are entering a menagerie* (Место пахнет кислой капустой, дымящимися лампами, жуками и аммиаком, и когда вы впервые заходите, этот запах заставляет вас думать, что вы входите в зверинец) [19, p. 153].

Собирательный образ всех перечисленных запахов, выраженный сначала глаголом «воняет», а затем существительным «вонь», усиливающим восприятие неприятного запаха, также по-разному отражен в переводах. К. Гарнетт передает его через эквивалент “stench” (вонь), сохраняя повтор. Д. Магаршак в обоих случаях заменяет ярко выраженную в оригинале отрицательную коннотацию запаха на нейтральную («воняет» передается как “smells”, а «вонь» как “this mixture of smells” – эта смесь запахов). У А. Литвиновой наблюдаем промежуточный вариант: переводя в первом случае «воняет» как “smells”, переводчица сохраняет во второй части предложения существительное «вонь» (stench).

Последняя часть анализируемого ольфакторного описания в рассказе Чехова базируется на сравнении описываемого запаха с другим источником, с которым у читателя имеются прочные негативные ассоциации. Как известно, зверинец – это место, где содержат диких зверей в клетках [10]. Клетка является прямым символом несвободы и насилия, однако у слова есть и переносное значение, которое, безусловно, также актуализировано в чеховском описании палаты для умалишенных: зверинец – это сборище людей, потерявших подобие культурного человека, похожих по своим нравам, привычкам, по характеру интересов на зверей [Там же]. В трех рассматриваемых переводах «зверинец» передан через эквивалентную единицу “menagerie” (бродячий зверинец, звериный цирк, перен. паноптикум). В переводе Р. Хингли обнаруживается замена на слово “zoo” (зоопарк), не включающее коннотации переносного значения.

Приведенные примеры указывают на разную степень понимания переводчиками места и значения ольфакторных знаков в чеховской повести, кодирующих важные смыслы. Поэтому в рассмотренных переводах (Р. Хингли, Д. Магаршак) можно обнаружить заметные трансформации ольфакторных образов оригинала, ведущие к снижению их смысловой нагруженности.

Синонимом удушливого запаха в рассказах Чехова является тяжелый запах. Именно такую характеристику царящему в больнице запаху дает доктор Рагин:

Оригинал: – *Как бы здесь убрать, Никита... Ужасно тяжелый запах!* [11, т. 8, с. 98].

Перевод К. Гарнетт: *You might clear up here, Nikita... there's an awfully stuffy smell* (здесь ужасно душный запах) [20, p. 71].

Перевод Д. Магаршака: *This place ought to be tidied up a bit, Nikita. A horrible smell* (Ужасный запах) [13, p. 158].

Перевод Р. Хингли: *'You might clean up a bit, Nikita', he said as he passed through the lobby. 'The smell's absolutely frightful'* (Запах абсолютно ужасен) [18, p. 45].

Перевод А. Литвиновой: *It would be nice if the place were cleaned up a bit, Nikita... It smells awful* (Пахнет ужасно) [19, p. 184].

Синестетический перенос отражает здесь общие особенности ольфакторного фрагмента русской языковой картины мира, для которой переносы в область обоняния из областей вкуса и осязания являются типичными. В трех из четырех рассмотренных переводов повести на английский язык не сохраняется не только синестетический перенос, что, вероятно, объясняется расхождением двух картин мира, но и, что более важно, очевидная связь между душными и тяжелыми запахами как отражением беспросветной атмосферы в больнице и во всем обществе, задыхающемся в мешанстве. Эта связь воссоздана только в переводе К. Гарнетт “there's an awfully stuffy smell” (здесь ужасно душный запах). Д. Магаршак, Р. Хингли и А. Литвинова выбрали эквиваленты, отражающие лишь общее эмоциональное впечатление от неприятного запаха (*horrible, frightful, awful*).

Данная тенденция прослеживается и в переводах других рассказов Чехова. В частности, показательным примером является финал чеховского «Крыжовника», маркированный «тяжелым запахом» от трубки Ивана Ивановича, который обнаруживает переключку с «тяжелым чувством» героя и раскрывает «футлярную тему» рассказа.

Оригинал: *От его трубочки, лежавшей на столе, сильно пахло табачным перегаром и Буркин долго не спал и всё никак не мог понять, откуда этот тяжёлый запах* [11, т. 10, с. 65].

Перевод К. Гарнетт: *His pipe lying on the table smelt strongly of stale tobacco* (Его трубка сильно пахла несвежим табаком) *and Burkin could not sleep for a long while, and kept wondering where the oppressive smell came from* (откуда шел гнетущий запах) [21, p. 291].

Перевод С. Котелянского: *A smell of burning tobacco came from his pipe* (Запах горящего табака шел от его трубки) *which lay on the table and Bourkin could not sleep for a long time and was worried because he could not make out where the unpleasant smell came from* (откуда шел неприятный запах) [22, p. 191].

Перевод А. Ярмолинского: *His pipe, which lay on the table, smelled strongly of burnt tobacco* (Его трубка сильно пахла горящим табаком) *and Burkin, who could not sleep for a long time, kept wondering where the unpleasant odor came from* (откуда шел неприятный запах) [17, p. 384].

Перевод А. Литвиновой: *There was a strong smell of stale tobacco from his pipe* (Был сильный запах несвежего табака от его трубки), *which he put on the table and Burkin lay awake a long time, wondering where the stifling smell came from* (Откуда шел удушающий запах) [19, p. 290].

Перевод Р. Хингли: *His pipe was on the table, reeking strongly of stale tobacco* (Его трубка сильно воняла несвежим табаком) and *Burkin could not sleep for a long time for wondering where the atrocious smell came from* (откуда шел чудовищный запах) [12, p. 135].

Перевод Р. Вилкса: *His pipe, which was lying on a table, smelt strongly of stale tobacco* (Его трубка сильно пахла несвежим табаком) and *Burkin was so puzzled as to where the terrible smell was coming from* (откуда шел ужасный запах) that it was a long time before he fell asleep [15, p. 144].

Сравнение оригинала и переводов рассказа показывает, что только в двух переводах из шести используется близкая чеховской характеристика запаха: “stifling smell” (удушающий запах) в переводе А. Литвиновой и “oppressive smell” (гнетущий запах) в переводе К. Гарнетт. Остальные переводчики (С. Котелянский, А. Ярмолинский, Р. Хингли, Р. Вилкс) ограничились эквивалентами, не отражающими специфику чеховского ольфактория (*unpleasant, terrible, atrocious*).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что ольфакторный код является важной составляющей индивидуально-авторской картины мира, представленной в рассказах Чехова. Об этом свидетельствует как частотность появления разнообразных запахов в изученных рассказах (в 65 рассказах было обнаружено более 200 описаний ольфакторного характера), так и выявленная в них «сильная позиция» ольфакторных образов. Запахи выступают основным маркером пространства («Палата № 6»), служат опознавательными знаками главных персонажей («Ариадна»), создают особую атмосферу повествования («тяжелый» запах в «Крыжовнике»). Это позволяет сделать вывод, что запахи в чеховских рассказах несут важные кодирующие смыслы, играющие значительную роль в воплощении авторского замысла.

В результате сравнительного анализа рассказов Чехова и разных вариантов их перевода на английский язык были выявлены трансформации ольфакторных образов оригинала, ведущие к частичной утрате их функций в тексте. При «перекодировке» переводчики рассказов Чехова не всегда учитывают коннотативную окраску запахов в оригинале, которая является средством выражения авторской оценки. В переводах Д. Магаршака и А. Литвиновой отмечено использование положительно окрашенных (“scent”, “fragrance”, “aroma”, “perfume”) или нейтральных лексем (“smell”) при описании запахов оригинала, имеющих однозначную отрицательную коннотацию («вонь», «смрад» и др.). Как показал анализ, сложную проблему перевода представляют «душные» и «тяжелые» запахи, являющиеся специфической особенностью ольфактория чеховских рассказов. Из проанализированных переводов в переводах Р. Хингли наиболее часто утрачивается главный компонент в их семантике – соединение собственно запаха с духотой, что приводит к потере дополнительных смыслов для читателя и лишает ольфакторный образ индивидуально-авторской специфики. В целом проведенное исследование позволяет заключить, что сохранение функций ольфакторного кода является важным критерием адекватного прочтения рассказов Чехова в переводе. Среди изученных переводов наиболее близко к оригиналу значение и функции запахов переданы в переводах К. Гарнетт и Р. Вилкса.

Список источников

1. **Ароматы и запахи в культуре**: в 2-х т. / сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Нов. лит. обозрение, 2003. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 664 с.
2. **Бабкина В. В.** Динамика взаимодействия сознаний повествователя и персонажа в «футлярной» серии рассказов Чехова: ольфакторный код // Культура и текст. Миф и мифопоэтика: сб. науч. тр. / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 172-177.
3. **Григорьева О. Н.** Мир запахов в языке Чехова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания: сборник. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. VIII. С. 182-194.
4. **Зыховская Н. Л.** Ольфакторий русской прозы XIX века: дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2016. 518 с.
5. **Карасёв Л. В.** Запахи и звуки у Чехова: власть приема // Новый Мир. 2013. № 11. С. 149-159.
6. **Кошкина Е. Е.** Ароматы и запахи в новелле А. П. Чехова «Невеста» // Культура и текст. 2011. № 12. С. 435-439.
7. **Манкевич И. А.** Ароматы и запахи в жизни А. П. Чехова: мифопоэтика ольфакторных сюжетов в зеркале эпистолярной и мемуарной чеховианы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 1 (9). С. 100-110.
8. **Риндисбахер Х. Д.** От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 87-98.
9. **Рогачева Н. А.** Русская лирика рубежа XIX-XX веков: поэтика запаха: дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2011. 519 с.
10. **Толковый словарь Ушакова** [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 25.01.2020).
11. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1977. Т. 7. 735 с.; Т. 8. 528 с.; Т. 9. 544 с.; Т. 10. 496 с.
12. **Chekhov A.** *Eleven Stories* / transl. with an introduction by R. Hingley. L. – N. Y.: Oxford University Press, 1975. 225 p.
13. **Chekhov A.** *Lady with lapdog, and other stories* / transl. with an introduction by D. Magarshak. L.: Penguin Books, 1964. 281 p.
14. **Chekhov A.** *The Darling and Other Stories* / transl. by C. Garnett with introduction by E. Garnett. N. Y.: The Macmillan Company, 1917. 329 p.
15. **Chekhov A.** *The Kiss and Other Stories* / transl. with an introduction by R. Wilks. L.: Penguin Books, 1982. 217 p.
16. **Chekhov A.** *The Lady with the Little Dog and Other Stories* / transl. with notes by R. Wilks. L.: Penguin Books, 2002. 388 p.
17. **Chekhov A.** *The Portable Chekhov* / edited, and with an introduction by A. Yarmolinsky. N. Y.: The Viking Press, 1947. 634 p.
18. **Chekhov A.** *Ward Number Six and Other Stories* / transl. with an introduction and notes by R. Hingley. Oxford: Oxford University Press, 2008. 249 p.
19. **Chekhov A. P.** *Short Novels and Stories* / transl. by I. Litvinov. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1950. 383 p.
20. **Tchehov A.** *The Horse-Stealers and Other Stories* / transl. by C. Garnett. L.: Chatto&Windus, 1921. 312 p.
21. **Tchehov A.** *The Wife and Other Stories* / transl. by C. Garnett. L.: Chatto&Windus, 1918. 318 p.
22. **Tchekhov A.** *My life, and Other stories* / transl. by S. S. Koteliangsky and G. Cannan. L.: C. W. Daniel, Ltd., 1920. 251 p.

Olfactory Code in the Russian and English Versions of A. P. Chekhov's Stories

Olitskaya Dar'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

Chertkova Viktoriya Viktorovna

National Research Tomsk State University

d.olitskaya@mail.ru; vv.chertkova@mail.ru

The article for the first time examines the olfactorium of A. P. Chekhov's stories in the aspect of translatability. The study is conducted by the material of a text corpus, which includes 65 stories and their English translations. Using the comparative analysis method, the authors identify transformations of Chekhov's olfactory images, consider specificity of translators' interpretations of semantics and meaningful filling of olfactory lexemes in A. P. Chekhov's stories. The conclusions are made that the most common translation mistakes include changing the connotative meaning of olfactory lexemes and neutralization of semantics of "stuffy" smells that represent specificity of Chekhov's olfactorium.

Key words and phrases: A. P. Chekhov; olfactory code; olfactorium; literary translation; comparative analysis.

УДК 81-2

Дата поступления рукописи: 25.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.58>

Статья посвящена разбору филологических особенностей первого параграфа «Дао Дэ Цзина», важнейшего канонического текста даосов, который породил сотни комментариев и переводов на разных языках мира. Имеющиеся исследования по теме «Дао Дэ Цзина» рассматривают герменевтику этого древнего текста и его философские смыслы в парадигме даосского мировоззрения, оставляя в стороне филологический аспект. Комплексный подход к смыслам даосского канона именно с филологических позиций обусловил научную новизну работы. Цель исследования – детально показать, как уникальные филологические особенности «Дао Дэ Цзина» сделали возможным многообразие его герменевтических трактовок, а также выявить, какие именно особенности этого древнекитайского текста порождают наибольшее количество трудностей для толкования и перевода. Полученные результаты показали, что герменевтические трактовки, даже сильно отличающиеся друг от друга, имеют конкретные источники на лексико-грамматическом уровне текста. Наибольшее количество трактовок и интерпретаций обусловлено отсутствием фиксированной пунктуации и возможностью иероглифов принимать на себя роли разных частей речи с разными значениями.

Ключевые слова и фразы: «Дао Дэ Цзин»; филологические особенности «Дао Дэ Цзина»; герменевтика «Дао Дэ Цзина»; трудности интерпретации; трудности перевода.

Руденко Александр Александрович

Мэн Ся, д. филол. н., проф.

Шэньсийский педагогический университет, г. Сиань, Китайская Народная Республика

tellyr888@yandex.ru; xmeng003@163.com

Филологические особенности даосского трактата «Дао Дэ Цзин» как неиссякаемый источник его герменевтических трактовок (на примере анализа первого параграфа и переводов на русский язык)

Даосизм – это древняя духовная традиция Китая, зародившаяся в V-III веках до нашей эры. В ней органично соединились философия северного Китая и мистические культы юга. «В даосизме отчётливо проявилась специфичность китайской религиозной мистики, восходящей ещё к дописьменной эпохе» [5, с. 202]. Основателем даосизма считается древнекитайский философ Лао-Цзы. Первые известные трактаты даосов относятся к периоду Сражающихся Царств (V век до н.э.), а религиозные институты даосизма оформились несколько позднее, ко второму веку нашей эры, когда даосские школы обрели свои устойчивые очертания, а фигура Лао-Цзы была введена в пантеон даосских божеств.

Главное произведение среди канонических писаний даосизма – это «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы. Изначально, как и многие другие философские тексты древности, оно называлось по имени своего автора – «Лао-Цзы». Позднее, в ходе формирования даосизма как религии, обожествившей и текст, и самого автора, появились другие названия: «Дао Дэ Цзин» («Канон Пути и Добродетели») и «Дао Дэ Чжэнь Цзин» («Истинный Канон Пути и Добродетели»). После того как древнекитайский историк Сыма Цянь в своих «Исторических записках» упоминает даосский канон как «У Цянь Янь» («Канон пяти тысяч иероглифов») [24], это название также входит в употребление. У философа Ван Би, одного из известнейших комментаторов «Дао Дэ Цзина», также фигурирует название «Синь Цзи Сюань Янь Дао Дэ» («Новое слово о сокровенном Дао и Дэ») [18].

В «Исторических записках» Сыма Цяня рассказывается о том, что текст «Дао Дэ Цзина» был написан мудрецом Лао-Цзы по просьбе главы пограничной заставы, через которую он проходил под конец жизни, на своем пути на запад. Текст был разбит на «верхнюю и нижнюю главы», где в «пяти тысячах слов» содержался «смысл Пути и Добродетели» [24]. Объём (от 4999 до 5748 символов) и текстовое деление дошедших до наших дней вариантов «Дао Дэ Цзина» соответствуют описанному в «Исторических записках» (II-I вв. до н.э.).